

о какомъ-либо значительномъ патриотическомъ движеніи не было возможности. Правда, по свидѣтельству многихъ и разнообразныхъ лицъ, почти во всѣхъ церквахъ Петербурга, когда священникъ или діаконъ, читавшіе Высочайшій манифестъ о волѣ, съ амвона, послѣ обѣдни, подходили къ мѣсту: „Православные, осѣните себя крестнымъ знаменіемъ, приступая къ свободному труду“—голосъ ихъ дрожалъ и въ немъ слышались готовыя слезы. Судя по частымъ и ускореннымъ крестнымъ поклонамъ толпы, можно было думать, что и она раздѣляетъ чувства чтецовъ; но умиленіе, какъ слѣдуетъ назвать это ощущеніе, со-всѣмъ не составляло коренной народной принадлежности русской массы и могло быть раздѣляемо также точно и иностранцами. Заслуживала удивленія напротивъ эта, по наружности, равнодушная встрѣча—со стороны народа—громднаго переворота въ его судьбѣ. Онъ ожидалъ его давно постоянно и никогда въ немъ не сомнѣвался. Съ минуты, когда у него отнято было право свободно располагать собою, онъ каждодневно въ теченіе 200 лѣтъ, думалъ, что день возстановленія права не далеко. То говорилъ еще и Посошковъ при Петрѣ I. Лишь только прошелъ первый пылъ волненія и ожиданія, Тургеневъ въ Парижѣ и его друзья тоже хорошо поняли, что настоящіе результаты „Положенія о крестьянахъ“ скажутся только тогда вполне, когда оно обойдетъ всю имперію, проникнетъ въ душу селянина, встрѣтится съ невѣжествомъ и кривотолкомъ, обнаружить, въ чемъ оно противорѣчитъ психическимъ особенностямъ народа, и въ чемъ не допускаетъ къ себѣ мечтательныхъ поправокъ. Тогда и наступитъ время настоящихъ манифестацій и контръ-манифестацій. Я получилъ нѣсколько писемъ изъ Парижа въ ту эпоху и привожу ихъ по порядку:

„15 (27) февраля 1861. Парижъ.

„Любезнѣйшій другъ, П. В. Мнѣ совѣстно утруждать васъ какой бы то ни было просьбой въ нынѣшнее время, когда у васъ, вѣроятно, голова кругомъ ходитъ,—но несмотря на ваши „gréoccupations“, вы все-таки самый надежный коммиссіонеръ, а коммиссія моя состоитъ въ слѣдующемъ: вышлите мнѣ, ради Бога, вышедшіе томы моего изданія, чтобы я имѣлъ о немъ понятіе, sous bande—это рублей съ 5 или съ 6 станетъ—я это охотно заплачу. Пожалуйста, душа моя, сдѣлайте это, не откладывая дѣла въ дальній ящикъ.

„Когда мое письмо къ вамъ дойдетъ, вѣроятно, уже великій указъ,—указъ, ставящій царя на такую высокую и прекрасную ступень—выйдетъ. О, еслибы вы имѣли благою мысль извѣстити